

A 268
255.

Кн. Д. Цертелевъ.

ор 1-77
11594

801-16

2649

АМЕРИКА

И

ЕЯ ИДЕАЛЫ.

По поводу книги Розвельта
ИНТЕНСИВНАЯ ЖИЗНЬ.

МОСКВА.

Университетская типография, Страстной бульв.

1904.

Дозволено цензурою, Москва, 11 сентября
1904 года.

2007336979

Не такъ давно появилась книга или
точнѣе сборникъ статей Розвельта,
подъ названіемъ: „Интенсивная жизнь“.

Самое названіе это какъ нельзя луч-
ше характеризуетъ содержаніе книги,
и она представляла бы значительный
интересъ даже въ томъ случаѣ, если-
бы не была подписана именемъ пре-
зидента Соединенныхъ Штатовъ; Роз-
вельтъ одинъ изъ лучшихъ вырази-
телей американскихъ стремленій и
идеаловъ. (Въ самомъ дѣлѣ, не спо-
койная, не счастливая, не добродѣтель-

КНИГА ИМЕЕТ:

Печата- листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1952 г.
							489.	1952 г.

5.

Зак. 828

668 -

Дозволено цензурою, Москва, 11 сентября
1904 года.

Не такъ давно появилась книга или
точнѣе сборникъ статей Розвельта,
подъ названіемъ: „Интенсивная жизнь“.

Самое названіе это какъ нельзя луч-
ше характеризуетъ содержаніе книги,
и она представляла бы значительный
интересъ даже въ томъ случаѣ, если-
бы не была подписана именемъ пре-
зидента Соединенныхъ Штатовъ; Роз-
вельтъ одинъ изъ лучшихъ вырази-
телей американскихъ стремленій и
идеаловъ. (Въ самомъ дѣлѣ, не спо-
койная, не счастливая, не добродѣтель-
ная жизнь, а жизнь напряженная,
интенсивная составляетъ, повидимому,
цѣль, къ которой стремится все аме-
риканское общество и Американцы
въ отдѣльности.)

Но идеалы Розвельта не только не
исчерпываются матеріальнымъ благо-

состояніемъ страны, а наоборотъ, онъ не безъ нѣкотораго презрѣнія упоминаетъ о тѣхъ патріотахъ, которые хотѣли бы превратить Америку въ громадную колониальную лавочку, служащую только торговымъ интересамъ случайныхъ милліонеровъ.

„Мы не можемъ,—говоритъ онъ,—оставаться скученными внутри нашихъ границъ и признать, что мы только торговцы съ достаткомъ, которымъ нѣтъ дѣла до того, что происходитъ внѣ этихъ границъ:

Признавая доктрину Монроэ, онъ, въ сущности, идетъ дальше послѣдняго и хотѣлъ бы расширить девизъ „Америка для Американцевъ“ и сказать то же относительно всѣхъ частей свѣта. Но онъ убѣжденъ при этомъ, что такая американизація всего земного шара будетъ не только полезна, но и пріятна всему человѣчеству, такъ же какъ было полезно исчезновеніе съ лица земли дикихъ аборигеновъ Америки.

Впрочемъ, стремленіе къ расширенію территоріи вполне естественно у всякой націи, особенно тогда, когда не успѣли еще установиться ея естественныя границы. Такъ же, какъ у ребенка главное желаніе его—быть или казаться большимъ, такъ у народа, который не успѣлъ утомиться жизнью, само собой является стремленіе ассимилировать другія національности и расти за ихъ счетъ.)

Въ характерѣ американской жизни, какъ ее рисуетъ Розвельтъ, невольно бросается въ глаза еще одна черта, указывающая на нѣкоторую незрѣлость народа: это его презрительное отношеніе къ женственности; какъ у мальчиковъ - подростковъ мы встрѣчаемъ пренебреженіе ко всему, что кажется имъ не достаточно мужественнымъ, такъ съ точки зрѣнія американизма авторъ готовъ обозвать „бабствомъ“ все, что, по его мнѣнію, выражаетъ недостаточную рѣшительность и опредѣленность воли.)

„Тотъ вѣкъ, въ который мы только-что вступили,—говоритъ онъ,—неизбѣжно долженъ быть вѣкомъ громаднаго триумфа, или громаднаго банкротства для всего человѣчества, потому что оно несравненно болѣе, чѣмъ прежде, солидарно во всѣхъ своихъ частяхъ, какъ въ отношеніи счастья, такъ и несчастья. Вокругъ насъ безчисленное множество стремленій говорятъ за добро и безчисленное множество другихъ за зло. Сказать, что наши собственныя дѣйствія неизбежно должны опредѣлить, которое изъ этихъ двухъ стремленій должно одержать верхъ, просто триумфизмъ. Для того, чтобы поступать мудро, прежде всего необходимо видѣть ясно; среди насъ нѣтъ мѣста для чистаго пессимиста: человѣкъ, который смотритъ на жизнь и видитъ всѣ вещи въ черномъ или сѣромъ свѣтѣ, не можетъ сдѣлать ничего здраваго, чтобы направить судьбу могущественнаго и сильнаго народа. Но намъ также не нуженъ безразсуд-

ный оптимистъ, который отказывается бороться съ многочисленными и дѣйствительными проявленіями зла и не умѣетъ видѣть, что единственный способъ обезпечить побѣду справедливости въ будущемъ состоитъ въ томъ, чтобы вести войну противъ всего, что низко, слабо и дурно въ настоящемъ“.

Читая такія строки, гдѣ сквозитъ глубокое убѣжденіе въ значеніи человѣческой воли для направленія мірового процесса, нельзя не признать въ нихъ значительной доли здоровья и молодой энергіи, но, съ другой стороны, невольно приходитъ въ голову, что старая Европа могла бы отвѣтить Новому Свѣту словами Мефистофеля:

Вы мною недовольны, дѣти;
Я не могу на васъ пенять,
Вѣдь чортъ давно живетъ на
свѣтѣ,
Состарьтесь, чтобъ его понять.

Столѣтія въ жизни народа меньше, чѣмъ годы въ жизни отдѣльнаго человека, и если бы Америка была національностью, только что выступающею на міровую арену, можно было бы лишь удивляться результатамъ, достигнутымъ ею въ такое короткое время. Но дѣло стоитъ не совсѣмъ такъ.

Если Америку даже считать дѣйствительно націей или народомъ, то, во всякомъ случаѣ, эта нація возникла совсѣмъ особымъ необычайнымъ образомъ и для объясненія его не нужно прибѣгать ни къ историческимъ, ни къ естественно-историческимъ гипотезамъ; ни къ мифологіи, ни къ дарвинизму. Существованіе національности, не имѣющей ни собственного языка, ни вѣками утвердившейся за ней территоріи, ни кровнаго, ни религіознаго единства, можно объяснить только стеченіемъ случайныхъ обстоятельствъ, которыя обусловили ея кажущееся единство, благодаря отсутствію вѣш-

нихъ разлагающихъ силъ. Подобно тому, какъ въ кольцеобразныхъ міровыхъ системахъ тяготѣніе заставляетъ вращаться небесныя тѣла не вокругъ реального центра тяжести, а вокругъ пустого пространства, такъ сила индивидуальнаго эгоизма переселенцевъ заставила ихъ приноровиться къ такому правовому порядку, который дѣлалъ возможнымъ ихъ совмѣстное существованіе. Насколько порядокъ этотъ въ силу привычки успѣлъ превратиться во вторую природу и насколько онъ окажется проченъ при столкновеніи съ другими дѣйствительными и положительными силами—можетъ показать только будущее.

мыми совершенными носителями идеи государственности, но и они не могли установить такого государственного строя, который могъ бы навѣки устоять противъ безконечно разнообразныхъ, разрушительныхъ силъ, таящихся во времени.

Идея національности или народности настолько широка, что нельзя дать ей вполне точнаго исчерпывающаго опредѣленія. Соответственно этому, столь же трудно дать ясное опредѣленіе патриотизму или любви къ отечеству. До тѣхъ поръ пока человекъ можетъ сказать: я люблю родину за то или другое—до тѣхъ поръ, пока онъ можетъ подвести балансъ ея достоинствамъ и недостаткамъ, не можетъ быть и рѣчи о патриотизмѣ. Конечно, нельзя также смѣшивать патриотизмъ и съ тѣмъ самомнѣніемъ и самовосхваленіемъ, которое любитъ всѣмъ безразлично, потому только, что оно свое; но большинство людей, искренно любя-

I.

Патриотизмъ, гражданственность и христіанство.

Въ концѣ девятнадцатаго вѣка одновременно съ развитіемъ анархическаго космополитизма выросъ нерѣдко черезчуръ узкій націонализмъ.

Каждый народъ, поскольку онъ въ наиболѣе совершенной формѣ выражаетъ собою ту, или другую вѣчную идею, имѣетъ право на существованіе. Но какъ только онъ хочетъ присвоить себѣ исключительно, такъ-сказать монополизировать эту идею, онъ нарушаетъ нравственные права другихъ народностей и въ концѣ-концовъ долженъ уступить мѣсто новому болѣе совершенному представителю этой идеи. Римляне были, можетъ-быть, са-

щихъ свое отечество, можетъ сказать
вмѣстѣ съ Лермонтовымъ:

Люблю я родину, но странною любовью,
Ее не побѣдитъ разсудокъ мой,
Ни слава, купленная кровью,
Ни гордаго довѣрія покой.

Но такая безотчетная любовь не
можетъ возникнуть въ короткое вре-
мя, для нея нуженъ рядъ поколѣній:
необходимъ туманъ отдаленности, въ
который уходили бы предки, превра-
щаясь въ богатырей и героевъ, ту-
манъ, гдѣ исчезали бы и смягчались
слишкомъ рѣзкія очертанія ближай-
шихъ событій. Начало того золотого
вѣка, о которомъ повѣствуетъ миео-
логія, нельзя себѣ представить въ
девятнадцатомъ или двадцатомъ сто-
лѣтіи нашей эры, хотя бы въ двад-
цатомъ или тридцатомъ этажѣ того
или другого дома Нью-Йорка или
Филадельфіи.

Вотъ почему, несмотря на искрен-
ность обращенія президента Соеди-
ненныхъ Штатовъ къ своимъ со-
отечественникамъ, оно такъ же мало

убѣдительно, какъ его обращеніе
къ ихъ религіознымъ чувствамъ.

Если патриотизмъ есть тотъ це-
ментъ, который скрѣпляетъ госуда-
рственное зданіе и мѣшаетъ ему при
первомъ толчкѣ разсыпаться грудой
разрозненныхъ камней, то религіоз-
ныя вѣрованія—единственное начало,
способное объединить челоѣчество,
независимо отъ различія расъ; но
именно въ виду этого они стоятъ
внѣ времени и географическаго поло-
женія страны. Не можетъ быть ни
американскаго, ни французскаго, ни
нѣмецкаго христіанства, а только
истинное или мнимое.

Совсѣмъ другое дѣло граждан-
ственность, которую Розвельтъ счи-
таетъ одною изъ главныхъ чело-
вѣческихъ добродѣтелей. Значеніе
этой добродѣтели находится въ пря-
мой зависимости отъ формы прав-
ленія того или другого государ-
ства, и если отбросить громкія
слова и пышные наряды, подъ кото-
рыми она часто бываетъ незна-

ваема, трудно найти въ ней что-нибудь кромѣ того, что по-просту называется *честностью*. Подавать голосъ или склонять къ этому другихъ къ тому же не по убѣжденію, а изъ-за постороннихъ соображеній, такъ же нечестно, какъ получать деньги за исполненіе обязанностей, которыя не исполняешь, какова бы ни была форма правленія.

Честность въ самомъ простомъ и въ самомъ широкомъ ея значеніи составляетъ основаніе гражданственности, и смѣшивать ее съ другими добродѣтелями, а тѣмъ болѣе съ религіей нѣтъ никакого основанія. Поэтому считать, какъ это дѣлаетъ Розвельтъ, гражданственность практическимъ приложеніемъ христіанства, можно только съ узко-американской точки зрѣнія. Катонъ, конечно, былъ хорошій гражданинъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ отличался христіанскими добродѣтелями, а по мнѣнію Розвельта, нельзя даже быть хорошимъ гражданиномъ, не принимая

живѣйшаго интереса въ политикѣ, между тѣмъ такое требованіе не только не вытекаетъ, а скорѣе противорѣчить духу христіанскаго ученія, придающаго мало значенія политическимъ формамъ и основаннаго на словахъ Евангелія: „Царство Мое не отъ міра сего“ и „воздайте Кесарево Кесарю, а Божіе Богу“.

Конечно, лица, избравшія государственную дѣятельность своею профессіей, должны не только интересоваться государственною жизнью, но и добросовѣстно исполнять свои обязанности, такъ какъ въ противномъ случаѣ они поступаютъ не только не по-христіански, но и просто нечестно; однако, отсюда совсѣмъ не слѣдуетъ, чтобы земледѣлецъ, фабрикантъ или солдатъ обязанъ былъ интересоваться всѣми государственными вопросами, имѣющими несомнѣнно важное политическое значеніе, подѣ опасеніемъ быть не только плохимъ гражданиномъ, но и плохимъ христіаниномъ. Если бъ это было справедливо,

пришлось бы признать не только большинство честныхъ и добрыхъ практическихъ дѣятелей, но и величайшихъ ученыхъ и художниковъ нарушителями требованій христіанской этики.

Нельзя не отмѣтить, однако, отношеніе автора къ той мнимохристіанской общественной благотворительности, которою такъ увлекаются теперь многіе энтузіасты въ Старомъ Свѣтѣ.

„Все, что поддерживаетъ науперизмъ, все, что ослабляетъ мужество и умаляетъ уваженіе къ самому себѣ, есть *безусловное зло*,—говоритъ онъ. Филантропія народныхъ суповъ одинаково развращающе дѣйствуетъ, какъ угнетеніе и, конечно, становится особенно возмутительна, когда какая-либо корпорація или частный человѣкъ предпринимаетъ ее не съ цѣлью безразсуднаго милосердія, а въ видахъ личной рекламы. Можно сдѣлать величайшее благо, протянувъ руку помощи въ нужный моментъ, но

попытка нести кого - нибудь постоянно на рукахъ не можетъ хорошо кончиться. Филантропы, дѣйствительно работающіе и проводящіе всю свою жизнь, принося пользу ближнему, обыкновенно не принадлежатъ къ такому раскисшему классу и понимаютъ совершенную несообразность пожертвованій безъ разбора и дикихъ необдуманныхъ плановъ социальнаго преобразованія. Молодой энтузіастъ, который въ первый разъ приходитъ въ соприкосновеніе съ ужасными страданіями и съ атрофирующимъ униженіемъ, столь очевидными во многихъ частяхъ нашихъ большихъ городовъ, можетъ потерять отъ этого голову, но если самъ онъ здоровъ и благоразуменъ, онъ скоро пойметъ, что какъ ни плохо положеніе вещей, нѣтъ никакого основанія дѣлать его еще гораздо худшимъ и что единственное вѣрное правило для каждаго отдѣльнаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобъ не-

полнять свои обязанности разумно и со здравым смыслом... Никто изъ насъ не можетъ значительно подвинуть міръ, но движется онъ только тогда, когда каждая единица очень большого числа исполняетъ свою обязанность.“

Замѣчаніе это вполне справедливо, но не совсемъ вяжется съ тѣмъ, что говоритъ авторъ о гражданственности. Въдь по его же теоріи каждый обязанъ интересоваться самыми обширными политическими планами, какъ бы мало ни понималъ ихъ.

II.

Войско и расширеніе границъ.

(Участіе въ рѣшеніи міровыхъ задачъ, которыя Розвельтъ считаетъ обязательнымъ для Америки, предполагаетъ увеличеніе военнаго могущества, такъ какъ безъ него при первомъ же столкновеніи съ другими великими державами Соединенные Штаты не въ состояніи будутъ отстаивать своей точки зрѣнія, если не ограничатся пониманіемъ доктрины Моирозъ въ ея тѣснѣйшемъ смыслѣ.)

Но Розвельтъ не отступаетъ передъ необходимостью увеличенія арміи. Обращаясь къ гражданамъ Чикаго, онъ говоритъ:

„Вы—люди страны, давшей отечеству Линкольна и Бранта, люди, воплощающіе въ себѣ съ особенною ясностью и силой все, что есть наиболѣе американскаго въ американскомъ характерѣ, и я хотѣлъ бы провозгласить передъ вами не доктрину низкаго комфорта, а доктрину напряженной жизни, исполненной усилій, трудовъ и борьбы; я хочу проповѣдывать высшую форму успѣха, доступную не тому, кто жаждетъ только удобства и мира, а тому, кто не уклоняется отъ опасности, затрудненій и тяжелой работы и, благодаря имъ, достигаетъ окончательнаго триумфа.

„Жизнь, полная бездѣлья и мира, зависящаго только отъ отсутствія желаній или способности стремиться къ великимъ цѣлямъ, такъ же мало достойна націи, какъ и отдѣльнаго человѣка. Тяжело потерпѣть неудачу, но еще хуже никогда не сдѣлать попытки достигнуть успѣха.“

Даже въ междоусобной войнѣ ав-

торъ видитъ скорѣе только хорошую сторону, сплотившую и объединившую населеніе:

Въ этой войнѣ купецъ и приказчикъ, фабрикантъ и механикъ, фермеръ и батракъ, капиталистъ и простой рабочій, граждане Западныхъ и Восточныхъ Штатовъ— вмѣстѣ поступали въ армію, вмѣстѣ переносили труды, рискъ и лишения, умирали съ одинаковымъ мужествомъ и испытывали то же безкорыстное содроганіе, когда, наконецъ, пришла побѣда. Хорошо было, что множество людей привыкло смотрѣть въ лицо смерти и выносить труды въ равной степени. Средній человѣкъ, сражавшійся въ рядахъ арміи, могъ бы заработать гораздо больше, оставаясь въ гражданской жизни. Когда война кончилась, у него не было другой награды, кромѣ сознанія, что единство спасено и знамя, разодранное пополамъ, опять цѣло. Особенно замѣчательно то, какъ послѣ войны обѣ сражавшіяся арміи разошлись и

мгновенно исчезли въ потокѣ гражданской жизни“.

„Розвельтъ всюду находитъ не только полезную, но и забавную сторону: по поводу войны съ Испаніей, онъ рассказываетъ такой случай“.

„Команда военныхъ судовъ состояла изъ людей самыхъ разнообразныхъ профессій; незадолго до окончания войны одно изъ этихъ судовъ бросило якорь въ большомъ американскомъ портѣ.

Однажды, рано утромъ, матросъ съ усталымъ лицомъ занятъ былъ мытьемъ палубы; въ это время вошелъ капитанъ и, увидѣвъ большую красивую яхту, замѣтилъ про себя:

„— Что бы это могло быть за судно?“

Матросъ, занятый мытьемъ палубы, сдѣлалъ подъ козырекъ и сказалъ:

„— Это *Заря*.

„— Почему вы это знаете? — спросилъ капитанъ.

„— Потому что оно мое—отвѣ-

чалъ тотъ, опять дѣлая подъ козырекъ, и разговоръ кончился“.

Изъ этого случая авторъ дѣлаетъ заключеніе, что для матроса полезно было отслужить свою очередь не только у пушки, но и со шваброй.

Въ нашихъ полкахъ добровольцевъ,—говоритъ онъ,—были десятки людей съ незначительнымъ состояніемъ, служившихъ подъ начальствомъ офицеровъ, многіе изъ которыхъ въ матеріальномъ отношеніи находились отъ нихъ въ зависимости въ мирное время. Для обоихъ классовъ хорошо было, что они сливались во едино при такихъ условіяхъ. Это показало, что прежніе уроки еще не забыты, и что для страны нѣтъ никакой опасности, пока намъ памятна великая междоусобная война“.

На первый взглядъ выводъ Розвельта можетъ показаться вполне убѣдительнымъ; однако, та горячность, съ какою онъ отстаиваетъ необходимость увеличенія вооружен-

ныхъ силъ Соединенныхъ Штатовъ, невольно наводитъ на размышленія иного рода.

Дѣйствительно, военный опытъ ихъ еще слишкомъ непродолжителенъ, и войны, веденныя ими, происходили при слишкомъ исключительныхъ условіяхъ, чтобы можно было заключить изъ нихъ, что въ состояніи сдѣлать страна, если бы ей пришлось бороться, особенно на сушѣ, съ равносильнымъ противникомъ?

Американская армія никогда не была организована какъ слѣдуетъ,— и Ровельтъ отказывается обсуждать ребяческія предположенія, что нація въ 70 милліоновъ свободныхъ гражданъ рискуетъ лишиться своей свободы вслѣдствіе существованія сотни тысячнаго войска.

Армія нуждается, — продолжаетъ онъ,— не только въ увеличеніи, но и въ полномъ переустройствѣ, которое можетъ быть достигнуто только законодательнымъ путемъ“.

Въ обѣихъ партіяхъ были, однако,

группы людей,—говоритъ онъ,— противившихся не только объявленію войны и заключенію мира, а созданію арміи и даже покупкѣ по благоразумной цѣнѣ броней для военныхъ кораблей и крейсеровъ. Поэтому, въ настоящее время значительная отвѣтственность за пролитую на Филиппинахъ кровь лежитъ на тѣхъ, кто своими безумными словами вовлекъ дикій народъ въ войну, чреватую бѣдами для него самого, и заставилъ наши войска платить кровью за глупый и смѣшной гуманитаризмъ болтуновъ, спокойно сидѣвшихъ у себя дома.

„Армія и флотъ—тотъ мечъ и тотъ щитъ, который народъ обязанъ носить, если хочетъ исполнить свой долгъ среди другихъ національностей. Мы должны стоять за честность и за личную свободу, но если нашъ собственный домъ долженъ быть въ порядкѣ, это не должно мѣшать намъ играть свою роль въ великихъ дѣлахъ цѣлаго міра. Первая обязанность чело-

вѣка относится къ его очагу; но кромѣ того, у него есть еще и другія обязанности относительно государства, и если онъ не исполнить ихъ — ему грозитъ опасность перестать быть свободнымъ. То же бываетъ и въ международныхъ отношеніяхъ: несправедливая война—тяжелый грѣхъ, но въ наши дни она вообще не производитъ ничего такого, что бы можно было сравнить съ бѣдствіями, которыя причиняютъ несправедливость къ ближнему въ общественныхъ и торговыхъ дѣлахъ. „Осуждать всякую войну вообще настолько же логично и справедливо, какъ осуждать дѣловыя и общественныя отношенія, или любовь и бракъ, потому что беспорядочныя и грубыя страсти часто причиняютъ въ семейной жизни страшныя бѣдствія.

Если бы Россія послѣдовала правиламъ философіи Толстого—все ея народонаселеніе давно исчезло бы съ лица земли, и въ настоящее время она была бы занята дикими кочующими татарскими племенами. Армянская

рѣзня—только малая иллюстрація къ тому, что въ широкихъ размѣрахъ произвели бы принципы Толстого, если бы они примѣнялись въ цивилизованныхъ странахъ.“

Таковъ общій взглядъ автора на значеніе войны. Что касается Америки, то, по его мнѣнію, столкновенія ея съ цивилизованными странами мало вѣроятны, однако, единственный аргументъ въ пользу такой невѣроятности основанъ на сближеніи съ Англійей, и представляется мало убѣдительнымъ.

Территоріальныя расширенія требуютъ отъ государства военной силы, и для своей охраны нуждаются не только въ матеріальныхъ пожертвованіяхъ, но и въ дисциплинѣ. Какъ бы ни была ничтожна эта сила въ началѣ, отнюдь нельзя предвидѣть, до какихъ размѣровъ она разрастется впоследствии; поэтому естественно, что среди всѣхъ партій стремленіе создать такую силу встрѣтило въ Америкѣ энергичныхъ

противниковъ, хотя Розвельтъ пытается объяснить ихъ противодѣйствіе исключительно отсутствіемъ энергіи и надлежащаго мужества.

(„Націи расширяющіяся (экспансіонистическія) и не расширяющіяся,—говоритъ онъ,—въ концѣ-концовъ одинаково могутъ потерпѣть крушеніе, но первыя оставляютъ наслѣдниковъ и славную память, а вторыя—ничего. Римъ разросся и оставилъ по себѣ память, глубоко повліявшую на исторію человѣчества; кромѣ того, онъ оставилъ наслѣдниковъ, не только родственныхъ по крови, но по языку и культурѣ, то, что называется романскими народами Европы и Америки; также и теперь великіе народы завѣщаютъ будущимъ временамъ великія воспоминанія и матеріальные результаты своихъ подвиговъ. Англія—прототипъ и лучшій экземпляръ этихъ мощныхъ народностей.“)

Однако, съ этой точки зрѣнія едва ли не только военная, но и полити-

ческая организація Соединенныхъ Штатовъ можетъ удовлетворить тѣхъ, кто задачу великаго государства видитъ не только въ мирномъ развитіи внутри болѣе или менѣе прочно установленныхъ границъ, но и въ возможно большемъ расширеніи этихъ границъ. Республиканская форма правленія Америки и англійскій парламентаризмъ не удовлетворитъ того, кто ищетъ великихъ воспоминаній въ сферѣ военныхъ подвиговъ. Война требуетъ единства власти, и доказательства этого не трудно найти не только въ древней, но и въ новой исторіи.

„Даже въ томъ случаѣ, говоритъ самъ Розвельтъ, если бъ у насъ былъ военный секретарь лучшій, какого только можетъ дать странѣ лучшій главнокомандующій, какого только можно найти среди арміи,—они не могли бы сразу добиться хорошихъ результатовъ, еслибы нація въ лицѣ своихъ представителей не сдѣлала надлежащихъ приготовленій для ре-

организациі войска и для практическаго обученія его въ мирное время. Когда возникаетъ новая случайность, законы и правила должны быть расширены. Кромѣ того, въ виду потребности возникающей вдругъ весьма возможно, что необходимый предметъ можно пріобрѣсти только по несоразмѣрно высокой цѣнѣ. Если война дѣйствительно произойдетъ, и этотъ предметъ докажетъ свою пользу, никогда не бываетъ никакихъ жалобъ; но если войны не будетъ — каждый маленькій демагогъ, каждый дешевый экономистъ или служащій, стоящій не на высотѣ своихъ обязанностей и боящійся принять на себя отвѣтственность, начнетъ порицать того, кто купилъ предметъ, и доказывать, что онъ превысилъ власть, что онъ показалъ больше рвенія, чѣмъ скромности, не обождавъ нѣсколькихъ дней. Вотъ рискъ, которому подвергаются люди энергичные и тотъ, кто принимаетъ его на себя—заслуживаетъ и награду, и почета“.

Въ принципѣ спорить противъ этого нельзя, но какъ разграничить государственную необходимость отъ превышенія власти? Какъ опредѣлить тѣ мотивы, которые вызвали это превышеніе? Чѣмъ долженъ руководствоваться каждый народный представитель, обсуждая вопросъ, могъ ли не могъ покупатель предвидѣть исходъ дипломатическихъ переговоровъ?

III.

Государственная организація.

Вооруженныя силы страны не только не служат безусловною гарантіей ея могущества, но нерѣдко рождаютъ даже элементъ, могущій сдѣлаться крайне опасенъ для государства, охранять которое онъ призванъ.

Но Розвельтъ смѣется надъ такими опасеніями, увѣренный, что Америкѣ удалось найти систему управленія, которая не только гарантируетъ ее самое отъ всякихъ случайностей, но и позволяетъ ей расширяться до какихъ угодно предѣловъ, не теряя своего единства.

„Когда современный міръ вступилъ въ чудесную эру расширенія,—говоритъ онъ,—послѣ открытій Колум-

ба, націи не были въ состояніи придумать никакого новаго плана. Всѣ колонизирующія великія державы: Англія, Испанія, Португалія, Голландія и Россія управляли своими колоніями прежде всего въ интересахъ первоначальнаго отечества. Однѣ дѣлали это лучше, другія хуже. Англія, вѣроятно, лучше всѣхъ. Испанія хуже всѣхъ; но нигдѣ съ переселенцами не обходились какъ съ равноправными гражданами общаго отечества. Наши предки, которые были самыми сильными и самыми свободолюбивыми изъ народовъ, выброшенныхъ на новые материка, первые возмутились противъ такой системы, и урокъ, который они преподали благодаря своему успѣху, былъ твердо заученъ.

„Примѣняя новые принципы къ нашимъ условіямъ, мы нашли въ федеральной конституціи почти совершенное орудіе. Система тѣсно связаннаго и неразрушимаго соединенія свободныхъ республикъ дала намъ

возможность сдѣлать то, чего не могли достигнуть ни Греки, ни Римляне въ лучшіе свои дни.

„Мы сохранили совершенное единство экспансіонистической расы, насколько не нарушая индивидуальной свободы. Когда въ данной мѣстности колонисты становились достаточно многочисленными, они допускались къ государственности и начиная съ этого момента получали все права и обязанности гражданъ старѣйшихъ штатовъ. Подобно яйцу Колумба, рѣшеніе кажется теперь очевиднымъ, но тогда оно было настолько ново, что должно было смѣниться одно или два поколѣнія, прежде чѣмъ мы сами вполне освоились съ его главными чертами. Наконецъ, мы дошли до признанія за аксіомы фактовъ національнаго единства и мѣстной и личной свободы.“

Однако, дѣйствительно ли такъ просто и такъ совершенно то орудіе, которое найдено въ конституціи Соединен-

ныхъ Штатовъ? Конечно, до тѣхъ поръ пока оно удовлетворяетъ эгоистическимъ интересамъ большинства каждой отдѣльной группы переселенцевъ, ни одной изъ этихъ группъ нѣтъ основанія на него нападать; но если ни одно государство не додумалось прежде до такого рѣшенія, то потому ли только, что оно, подобно Колумбову яйцу, было слишкомъ просто?

(Для того, чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, надо бы поставить Америку въ тѣ же условія, въ которыхъ находятся остальные державы. Надо было бы дать ей сосѣдей, обладающихъ тоже экспансіонистскими наклонностями и находящимися на одинаковомъ съ ней уровнѣ развитія. Только тогда, когда для охраны собственнаго существованія, а не для дальнѣйшаго расширенія, ей пришлось бы напрягать все свои силы, только тогда можно было бы сказать, насколько просто рѣшеніе, которое

соединяетъ государственное единство съ индивидуальною свободою отдѣльныхъ его частей. Только тогда можно бы рѣшить также, насколько американская конституція удовлетворяетъ другому требованію, существенному для прочности государственнаго единства.

Насколько необходимы для безопасности страны любовь къ свободѣ и мужество ея защитниковъ, настолько же необходимы безкорыстіе и пониманіе дѣла для веденія внутренней политики. Но нѣтъ такого государственнаго устройства, которое могло бы обезпечить странѣ, что во главѣ управленія всегда будутъ стоять люди, для которыхъ ея интересы выше личныхъ расчетовъ, а въ этомъ отношеніи выборныя кампаніи и газетныя рекламы, конечно, не содѣйствуютъ повышенію нравственнаго уровня населенія. Какъ бы убѣдительно президентъ ни проповѣдывалъ честность, къ сожалѣнію, едва ли проповѣдь его будетъ имѣть практи-

ческіе результаты, пока каждый увѣренъ, что онъ посредствомъ денегъ достигнетъ своей цѣли гораздо скорѣй и гораздо вѣрнѣй, чѣмъ посредствомъ логическихъ аргументовъ.

„Мы можемъ позволить себѣ различіе во мнѣніяхъ относительно курсовъ, налоговъ и внѣшней политики,—говоритъ Розвельтъ,—но мы не можемъ позволить себѣ различія во мнѣніяхъ относительно честности, если мы хотимъ прочнаго существованія нашей республики. Ни одно общество не можетъ быть здоровымъ, когда нужно отличать политическаго дѣятеля между другими, потому что онъ честенъ; честность не столько достоинство, дающее нѣкоторое преимущество, сколько качество, безусловно необходимое для полезной общественной службы. Мы не имѣемъ права оставлять въ общественной жизни человѣка, какъ бы блестящи ни были его способности, сколько бы добра онъ ни могъ сдѣлать въ специальныхъ

отрастяхъ, если онъ не честенъ. Вѣроятно, въ принципѣ всѣ согласятся съ этимъ, но на практикѣ въ этомъ отношеніи господствуетъ большая неопредѣленность. Число чиновниковъ, берущихъ взятки, за исключеніемъ нѣкоторыхъ хорошо извѣстныхъ центровъ разврата, не особенно велико; но часто искушеніе приходитъ незамѣтными путями. Не мало есть общественныхъ дѣятелей, которые съ негодованіемъ отклонили бы предложеніе взятки и въ то же время дадутъ тѣмъ или другимъ корпораціямъ разныя привилегіи или отнесутся снисходительно къ перерасходу общественныхъ денегъ, по личнымъ соображеніямъ“.

Возражая противъ необходимости особаго законодательства, которое должно бы оградить избирателей отъ обмановъ, Розвельтъ находитъ, что въ немъ не было бы надобности, если бы сознаніе общества было достаточно здорово и достаточно чуждо

и подкупу, и демагогіи, и слѣдило бы за тѣмъ, чтобы каждая корпорація получала именно то, что ей слѣдуетъ и ничего больше. Этимъ въ Нью-Йоркѣ заняты теперь, по свидѣтельству Розвельта, люди, которыхъ безчестныя корпораціи боятся во сто разъ больше, чѣмъ демагоговъ-агитаторовъ, опасныхъ только для честныхъ корпорацій.

„Недовольно, конечно, говоритъ онъ — чтобы общественный дѣятель былъ честенъ. Никакая честность не будетъ имѣть значенія, если, кромѣ того, онъ не будетъ мужественъ и благоразуменъ. Человѣкъ слабаго или труса не спасетъ одна честность, но безъ нея человѣкъ храбрый и способный въ гражданской жизни — только хищное животное, которое каждый, кто любитъ право, долженъ травить и загнать. Ни одинъ человѣкъ продажный или допускающій продажность въ другихъ не можетъ исполнить своей обязанности

относительно общества. Когда истина эта въ нашей политикѣ будетъ признана аксіомой, тогда, и только тогда мы увидимъ такой нравственный подъемъ народа, что онъ сдѣлаетъ теперешній порядокъ вещей Таммани въ Нью-Йоркѣ столь же невымыслимымъ, какъ невымыслимо было бы воскресить въ Европѣ грабительское средневѣковое баронство.“

Это безспорно: если бы въ какой бы то ни было странѣ всѣ избиратели не только сами были честные люди, но ненавидѣли бы ложь и мошенничества, то посредствомъ мошенничества нельзя было бы добиться избранія, но дѣло въ томъ, что даже американская изобрѣтательность не нашла еще способа вытѣснить стремленіе къ наживѣ и замѣнить его нравственными требованіями. А чѣмъ сильнѣе энергія, направленная на достиженіе матеріальныхъ благъ, тѣмъ труднѣе ожидать такого перерожденія. Это признаетъ и самъ авторъ.

„Велика,—говорить онъ,—для нашей страны опасность отъ нарушенія нашими общественными дѣятелями восьмой заповѣди и отъ нечувствительности общества, дѣлающей возможными такіа нарушенія.

„Но не будетъ преувеличеніемъ, если я скажу, что не менѣе велика опасность отъ тѣхъ, кто въ теченіе круглаго года нарушаетъ девятую заповѣдь, лжесвидѣтельствуя на честныхъ людей, унижаетъ ихъ и возвышаетъ людей безчестныхъ, пока и тѣ, и другіе не окажутся на одномъ уровнѣ.

„Въ нашей гражданской жизни худшіе нарушители закона чести обязаны большею частью своею безнаказанностью тѣмъ, кто лжесвидѣствуетъ противъ честныхъ людей. Этотъ грѣхъ, разумѣется, особенно возмутителенъ тогда, когда онъ соединяется съ лицемѣріемъ и совершается во имя нравственности. Рѣдко люди, занимающіеся исключительно политикой, приносятъ столько зла, какъ издатель журнала, духовное ли.

цо, или общественный преобразователь, изо дня въ день жестоко и несправедливо нападающіе на честныхъ людей и ослабляющіе ихъ вліяніе въ пользу людей продажныхъ.

„Всегда есть политиканы, готовые все обѣщать народу и все сдѣлать для той или другой шайки; потомъ, одурачивъ народъ, они же смѣются своему успѣху; но такихъ политикановъ слѣдовало бы не только считать мерзавцами, но и одураченный ими народъ долженъ бы нести часть осужденія: тотъ, кто требуетъ невозможныхъ обѣщаній или принимаетъ ихъ, такъ же виновенъ, какъ и тотъ, кто даетъ и не исполняетъ ихъ.“

„Когда общественный дѣятель говоритъ, что никогда не войдетъ въ компромиссъ, онъ можетъ быть увѣренъ, что получить аплодисменты людей страстныхъ и не умѣющихъ ясно думать. Слово компромиссъ такъ часто употреблялось въ дурномъ смыслѣ, что теперь уже трудно припомнить,

что оно означаетъ лишь способъ придти къ обоюдному соглашенію. Есть, конечно, компромиссы, которые недопустимы ни въ какомъ случаѣ. Но есть множество другихъ политическихъ вопросовъ, гдѣ каждый будетъ вынужденъ дѣлать уступки, чтобы придти къ соглашенію со своими товарищами.“

„Розвельтъ правъ, каждый кто захочетъ вникнуть въ способъ дѣйствія машины народнаго представительства, не можетъ не убѣдиться, что она въ состояніи работать только при системѣ постоянныхъ компромиссовъ, которые такъ же необходимы для нея, какъ мазь для паровой машины. Каждый серьезный политическій дѣятель долженъ отстаивать не ту мѣру, въ пользѣ которой онъ лично убѣжденъ, а ту, которая можетъ получить большинство голосовъ и окажется относительно полезною или, по крайней мѣрѣ, наименѣе вредною.“

Въ виду этого Розвельтъ не безъ

основанія нападаетъ на доктринеровъ въ политикѣ, такъ же какъ на слиткомъ практическихъ оппортунистовъ.

„Мы не можемъ довѣриться кабинетнымъ реформаторамъ, говорить онъ,—ни тому, кто, самъ ничего не дѣлая, смѣется надъ тѣми, кто выносить бремя дневной работы. Еще менѣе можемъ мы довѣриться тѣмъ низкимъ существамъ, которыя смотрятъ на политику какъ на игру, изъ которой они извлекаютъ свой замаранный хлѣбъ и на языкѣ которыхъ слово „практическій“ превратилось въ синонимъ всего низкаго и испорченнаго.“

Но если такъ, то придется сильно понизить тѣ восторженные похвалы Американской конституціи, съ которыхъ началъ президентъ республики, видя въ ней единственное, непогрѣшимое средство совмѣстить экстенсивныя стремленія націи съ любовью къ свободѣ. Въ только-что приведенныхъ строкахъ самъ онъ ясно указалъ на двѣ категоріи людей, которымъ нельзя довѣрить государственныхъ дѣлъ,

а между тѣмъ именно эти люди руководятъ имъ въ большинствѣ случаевъ, и едва ли когда-нибудь удастся устранить демагоговъ отъ ихъ ремесла тамъ, гдѣ власть по праву принадлежитъ толпѣ, на которую всегда наибольшее вліяніе имѣлъ и будетъ имѣть не тотъ, кто лучше знаетъ дѣло и лучше можетъ примѣнить свои знанія, а тотъ, кто лучше угадываетъ ея инстинкты и искуснѣе умѣетъ воспользоваться ими въ данный моментъ.

IV.

Трудъ и воспитаніе.

Рабочій вопросъ, который многіе у насъ хотѣли бы объяснить политическимъ неравенствомъ и находящимся въ связи съ нимъ неравномѣрнымъ распредѣленіемъ собственности, съ меньшей, а можетъ быть, даже и съ большею силой возникъ уже въ Америкѣ.

Въ чемъ бы мы ни видѣли первоначальный источникъ накопленія богатствъ: въ трудѣ, въ силѣ или въ сбереженіи, несомнѣнно, что источникъ этотъ распредѣленъ неравномѣрно между отдѣльными лицами.

Пока потребности человѣка не сложны, а раздѣленіе труда не повело еще къ его специализации, различіе

въ имущественномъ положеніи свободныхъ и равноправныхъ гражданъ не можетъ быть особенно велико. Пока главный источникъ благосостоянія каждого составляетъ его мускульная работа, не можетъ быть яркихъ контрастовъ ни въ образѣ жизни, ни въ интересахъ, ни въ общественномъ положеніи. По мѣрѣ того, какъ развиваются промышленность и торговля, жизнь страны постепенно мѣняется, но то, для чего старому свѣту нужны были столѣтія, то въ Америкѣ, гдѣ государственная и общественная жизнь началась тогда, когда промышленность получила уже широкое развитіе, достаточно было нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ.

„Громадное промышленное развитіе XIX вѣка,—говоритъ Розвельтъ,—не только передало намъ, людямъ XX столѣтія, великія преимущества, но и подвергло насъ серьезнымъ опасностямъ. Это въ высшей степени сложное движеніе имѣло множество сторонъ и хоро-

шихъ и дурныхъ: оно создало совершенно новую серію явленій, и нужно все искусство государственнаго чело-вѣка, политико-экономиста и социаль-наго реформатора для того, чтобы извлечь изъ него лучшіе результаты. Произошло относительно громадное возрастаніе числа городскихъ жителей и, слѣдовательно, населеніе живу-щаго заработною платой, въ то же вре-мя накопленіе огромныхъ богатствъ, которыя стремятся выразить свою силу, посредствомъ крупныхъ кор-порацій, управляемыхъ тѣмъ или дру-гимъ руководителемъ изъ дѣловаго міра. Отсюда слѣдуетъ, что мы сто-имъ лицомъ къ лицу съ цѣлымъ ря-домъ опасныхъ задачъ, вызывающихъ сомнѣніе, но принять участіе въ рѣ-шеніи которыхъ неизбежно. Однако, участіе это должно быть проникатель-но, благоразумно и сдержанно: въ противномъ случаѣ оно окажется не-только бесполезно, но и въ высшей степени неосторожно и опасно.“

И такъ то равенство, которое, по мнѣнію автора, составляло главную силу Америки теперь уже начинаетъ уступать мѣсто другимъ болѣе разно-образнымъ и сложнымъ обществен-нымъ отношеніямъ. Самъ онъ при-знаетъ, что въ современной промыш-ленной жизни одно изъ главныхъ стремленій, особенно въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ, состоитъ въ раздѣленіи интересовъ, которое влечетъ за собою раздѣленіе симпатій.

Въ прежней американской жизни и даже теперь въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ не было и нѣтъ рѣзкой границы между различными группами гражданъ. Въ большинствѣ сельскихъ мѣстностей не только въ чувствахъ людей много общаго, но, что столь же важно—они вполне сознаютъ это об-щее. Хотя, по мнѣнію Розвелта, и въ городахъ различіе матеріальныхъ интересовъ совсѣмъ не такъ велико, какъ принято думать, оно существу-етъ; а главное есть склонность забы-

вать интересы общіе всѣмъ. Жизнь такъ занята и населеніе такъ торопится, что среднему человѣку некогда приходитъ въ соприкосновеніе со своими согражданами, за исключеніемъ ближайшей маленькой группы. Вслѣдствіе этого развивается чувство отдаленія между различными группами и забываются великія первоначальныя нужды и страсти — общія всѣмъ.

Имущественное неравенство влечетъ за собою неравенство социальное, точно такъ же, какъ прежде влекли его наслѣдственныя привилегіи. Деньги — сила, но и сила — деньги; однако, если можно посредствомъ насилія лишить частныхъ лицъ ихъ имущества, то нельзя, не истребляя ихъ самихъ, лишить ихъ той силы, которая создаетъ эти имущества. Такимъ образомъ, если бы даже возможно было въ самой простой и грубой формѣ осуществить коммунистическія мечтанія, тотчасъ же послѣ всеобщаго передѣла возникла бы новое и

столь же неравномѣрное распредѣленіе собственности.

Соединенные Штаты, несмотря на короткій періодъ своего существованія, представляютъ уже множество случаевъ, гдѣ нелегко согласовать теоретическое равенство съ полнѣйшею экономической зависимостью. Тутъ уже автору поневолѣ приходится быть менѣе категоричскимъ въ своихъ требованіяхъ.

„Законодательство, — говоритъ Розвельтъ, — не можетъ ограничиться исключительно такъ называемымъ рабочимъ вопросомъ. Громадныя индивидуальныя и общественныя широкія комбинаціи капитала, составляющія отличительную черту развитія нашей промышленной системы, создаютъ новыя условія и вызываютъ необходимость въ измѣненіи прежняго отношенія государства и народа къ собственности. Вѣроятно, большая часть существующихъ те-

перь состояній была накоплена не нарушая правъ народа; накопленіе, вѣроятно, зависѣло отъ значительныхъ общихъ прибылей, каково бы ни было сознательное намѣреніе ихъ собира- телей. Для большей части шумныхъ нареканий противъ людей богатыхъ потому только что они богаты—есть лишь ничтожныя оправданія. Нечего и говорить, что всякое воззваніе, непосредственно или косвенно порождающее среди насъ подозрѣніе и ненависть и, слѣдовательно, запирающее двери успѣха людямъ бѣднымъ и талантливымъ, приводитъ въ концѣ концовъ къ возможности незаконности и насилія и составляетъ нападеніе на самыя основанія американекаго права гражданства. Наши интересы въ сущности общіе; мы поднимаемся или спускаемся вмѣстѣ. Несмотря на это, становится все яснѣе и яснѣе, что государство и нація въ случаѣ необходимости должны имѣть право надзора и контроля въ отношеніи большихъ корпорацій, которыя ими же созданы

и часть своей важности заимствуютъ отъ нѣкотораго монополистическаго стремленія; это право контроля должно примѣняться съ большою осторожностью; но оно должно существовать такъ, чтобы, въ случаѣ надобности, можно было на него сослаться.“

Трудъ и личная сила (физическая или умственная) составляютъ первоначальный источникъ накопленія богатства. Но когда первый шагъ уже сдѣланъ—продолженіе обуславливается совсѣмъ иными факторами.

Въ началѣ дѣятельности всей силы человѣка едва хватаетъ на поддержаніе собственнаго существованія и на скудное обезпеченіе семьи; но какъ только ему удастся сдѣлать, хотя бы незначительное сбереженіе, дѣло принимаетъ другой оборотъ, и если обстоятельства благоприятствуютъ, сбереженія начинаютъ расти сами собой въ геометрической прогрессіи.

Въ виду этого равная охрана интересовъ cadaго должна привести

къ совершенно неравнымъ результатамъ. Очевидно, строжайшая охрана права рабочаго на получение заработной платы не избавитъ его отъ необходимости на слѣдующій день продолжать ту же работу, между тѣмъ обезпеченіе капиталисту опредѣленнаго процента на вложенный въ то или другое предпріятіе капиталъ равносильно обезпеченію для него возможности удвоить этотъ капиталъ въ извѣстное число лѣтъ. Хорошо это или худо—другой вопросъ, но нельзя не видѣть, что право собственности само по себѣ неизбѣжно ведетъ къ постепенному возрастанію неравенства между людьми, и нельзя, съ одной стороны, восхвалять равенство и братство, а съ другой, то право, которое, какъ справедливо замѣтилъ уже Руссо, является главнымъ источникомъ всѣхъ неравенствъ.

Между тѣмъ основной законъ здравой политической жизни для Розвелта состоитъ въ томъ, чтобы каждый на дѣлѣ, а не на словахъ только полу-

чалъ именно то, что онъ заслужилъ какъ человѣкъ и въ томъ, чтобы каждый отдавалъ полную справедливость своему товарищу и взамѣнъ требовалъ того же для себя. Каждая группа людей имѣетъ свои спеціальныя интересы, однако, интересы самыя высокія, самыя широкія и глубокія, именно тѣ, которые одинаково относятся ко всѣмъ людямъ: въ Америкѣ правильно понятый духъ братства важнѣе всего остального.

„Будемъ, говоритъ авторъ, тщательно охранять спеціальныя интересы рабочаго, трудящагося за плату, фермера, промышленника и купца; будемъ отдавать каждому должное и слѣдить за тѣмъ, чтобъ онъ не нарушалъ правъ своихъ сотоварищей, но ни на минуту не будемъ упускать изъ вида того великаго факта, что когда мы касаемся самыхъ глубокихъ струнъ, интересы всѣхъ одинаковы и должны быть охраняемы въ равной мѣрѣ.

„Законъ жизни есть трудъ и

трудъ самъ по себѣ не только не бѣдствіе, а великое благословеніе, лишь бы онъ совершался при условіяхъ, которыя позволяютъ человѣку сохранить уваженіе къ самому себѣ и даютъ возможность развить собственный характеръ и воспитать своихъ дѣтей такъ, чтобы и они могли, какъ все общество, къ которому они принадлежатъ, твердо идти впередъ и возвышаться. Человѣкъ праздный, все равно богатый или бѣдный, въ лучшемъ случаѣ бесполезный, и большею частью вредный членъ общества.)

„Отъ того, кому много дано, мы въ правѣ ожидать многого, и тяжелѣе бремя ответственности лежитъ на человѣкѣ достаточномъ, если онъ хочетъ оправдать своими дѣйствіями тѣ социальныя отношенія, которыя сдѣлали возможнымъ для него самого или для его предковъ накопленіе и сохраненіе той собственности, которою онъ пользуется. Онъ не имѣетъ никакого оправданія, если не отплатитъ за это сво-

ими услугами государству или обществу. Есть тысячи способовъ сдѣлать эту отплату въ искусствѣ, въ литературѣ, въ филантропіи, въ качествѣ государственнаго человѣка или солдата. Но какъ бы то ни было онъ долженъ ее сдѣлать по чести, такъ чтобы прибыль могла возрасти для его собратій, которымъ счастье было менѣе благопріятно. Короче, онъ долженъ работать, работать не только для себя, но и для другихъ; если онъ не работаетъ—онъ не только не исполняетъ своего долга относительно остального общества, но и относительно себя самого. Завидовать людямъ празднымъ нѣтъ основанія, и мы можемъ позволить себѣ относиться къ нимъ только съ нетерпѣливымъ презрѣніемъ.)

„Не исполняя своихъ обязанностей, они себя лишаютъ самаго возвышеннаго, самаго большаго наслажденія, какое только есть въ жизни. Хорошо и разумно стремиться къ тому, чтобы имѣть досугъ, дающій возможность личнаго усовершенствованія; но горе

тому человеку, который ищетъ самъ или приучаетъ дѣтей своихъ искать праздности, а не работы. Человекъ этотъ не можетъ сдѣлать имъ худшаго зла. Никто не можетъ исполнить своихъ обязанностей, если не работаетъ, но работа можетъ быть хорошо сдѣлана только тогда, когда каждый, приступая къ своей специальной задачѣ, не только твердо рѣшился выполнить ее, но и сознаетъ, что товарищъ его имѣетъ тѣ же основныя права и обязанности и что, если каждый долженъ работать для себя самого, каждый долженъ также работать и для блага всѣхъ остальныхъ.

„Между членами одного общества существуетъ неразрывная связь. Одни могутъ подняться выше, другіе — спуститься ниже по общественной лѣстницѣ; но, оставляя въ сторонѣ рѣдкія исключенія, всякое благополучіе и всякое бѣдствіе цѣлаго народа должно отражаться на всѣхъ индивидуумахъ его составляющихъ“.

Розвельтъ, конечно, правъ, указывая на трудъ какъ на главный источникъ народнаго благосостоянія; но едва ли онъ убѣдитъ того, кто самъ не чувствуетъ, что накопленіе богатствъ не можетъ быть единственною цѣлью человеческой жизни, а между тѣмъ матеріальный успѣхъ принадлежитъ именно тѣмъ „практическимъ“ людямъ, которые со снисходительною улыбкой смотрятъ на всѣ разсужденія объ идеалахъ. Общность интересовъ всѣхъ гражданъ, конечно, существуетъ съ точки зрѣнія государственной, но въ моментъ любого торга или договора о наймѣ едва ли можно убѣдить стороны, что интересы ихъ тождественны и предлагать имъ даже неопровержимые аргументы — значило бы брать на себя роль Крыловскаго повара.

Розвельтъ, видящій главную задачу не только индивидуальной, но и государственной жизни въ развитіи энергии и характера, съ той же точки зрѣнія смотритъ и на школу.

Не только учебныя занятія, но и игры должны имѣть воспитательное значеніе; онъ признаетъ необходимость школьнаго образованія, но знанія, приобрѣтаемыя въ школѣ, стоятъ для него на второмъ планѣ.

Впрочемъ, не всѣ такое значеніе школы признаютъ въ Америкѣ.

„Не такъ давно, говоритъ авторъ, двое изъ самыхъ богатыхъ людей Соединенныхъ Штатовъ рѣшились публично утверждать, что ходить въ среднюю школу положительно вредно для молодого человѣка, который стремится къ успѣху. Правда, что люди самые замѣчательные, которые только когда-либо у насъ были, такіе люди, какъ Линкольнъ, не имѣли случая ходить въ школу; но у нихъ была такая неукротимая сила характера и такая проникающая въ оцѣнкѣ познаній, что они, принявшись за дѣло, сами приобрѣли больше, чѣмъ могла бы имъ дать какая бы-то ни было академія; съ другой стороны,

юноши слабохарактерные, посѣщающіе высшую или среднюю школу, вмѣсто того, чтобы начать работать самостоятельно, пройдя черезъ нее, могутъ вынести значительный вредъ вмѣсто пользы; но вообще, если въ мальчикѣ есть надлежащій характеръ и если положеніе его достаточно обеспечено, и позволяетъ ему заручиться нѣсколькими годами дополнительной культуры, это для него большое преимущество.“

Такова точка зрѣнія президента Соединенныхъ Штатовъ на значеніе средняго и высшаго образованія въ Америкѣ.

Какъ далеко отъ этого до требованія нашихъ идолопоклонниковъ знанія, которые хотѣли бы сдѣлать среднее и высшее образованіе доступными для каждаго, полагая, что государство можетъ и должно взять на себя обезпеченіе не только учащихся, но и учащихъ, хотя бы ученіе свое они продолжали до тридцати

лѣтъ. Такіе сторонники знанія пріучаютъ своихъ воспитанниковъ съ дѣтства смотрѣть на науку, какъ на дойную корову. Государство, общество или частныя лица „обязаны“ давать имъ средства, чтобы молодые люди могли продолжать учиться, а потомъ они же обязаны предоставлять для кончившихъ курсъ тѣмъ болѣе доходныя мѣста, чѣмъ дольше они учились, хотя бы не вынесли изъ того ученія ничего, кромѣ диплома.

Розвельтъ, наоборотъ, видитъ пользу высшаго и средняго образованія не въ возможности матеріальнаго успѣха.

„Успѣхъ, говоритъ онъ, прежде всего предполагаетъ, что человѣкъ зарабатываетъ то, что необходимо для него самого и для лицъ, отъ него зависящихъ. Но пріобрѣтеніе богатства отнюдь не является единственнымъ доказательствомъ успѣха. Послѣ того, какъ нѣкоторое количество его уже накоплено, дальнѣй-

шее накопленіе съ точки зрѣнія успѣха имѣетъ очень мало значенія, если слово это понимать правильно, какъ съ индивидуальной, такъ и съ общественной точки зрѣнія. Конечно, средній человѣкъ, который выходитъ изъ средняго мальчика, не будетъ чудомъ ни въ какомъ отношеніи; но онъ можетъ быть вполне хорошимъ человѣкомъ, а случаи хорошо работать представляются ему тѣмъ чаще, чѣмъ лучше онъ умственно подготовилъ себя. Конечно, если въ результатѣ своего обученія въ высшей школѣ, пансіонѣ или университетѣ онъ придетъ къ заключенію, что единственное знаніе то, которое можно найти въ книгахъ, онъ сдѣлаетъ очень мало. Но если онъ сохранитъ умственное равновѣсіе и у него будетъ характеръ—онъ сразу пойметъ, что можетъ дать знаніе и чего не можетъ: и въ такомъ случаѣ чѣмъ больше онъ его пріобрѣтетъ, тѣмъ лучше будетъ для него.

„Тѣ же соображенія въ значитель-

ной мѣрѣ относятся и къ тѣлесному развитію. Спортъ, если онъ доведенъ до излишества, нежелателенъ. Хорошо, если мальчикъ много разъ оказывался первымъ въ классѣ въ разныхъ физическихъ играхъ, но плохо, если черезъ двадцать лѣтъ все, что можно сказать о немъ, это—то, что онъ продолжалъ интересоваться футъ-боломъ, боксомъ, бралъ когда-то призы и т. д. Одинъ очень проникательный наблюдатель замѣтилъ, что чрезмѣрная любовь къ спорту и играмъ могла принести серіозный ущербъ британской арміи, заставивъ ее ради спорта пренебрегать скучною, практическою профессиональною работою, пока ей не пришлось пробудиться отъ тяжелой руки Буровъ.“

„Главное въ человѣкѣ—характеръ,“ говоритъ Розвельтъ,—однако самъ замѣчаетъ неопредѣленность этого слова. Всевозможныя качества входятъ въ понятія характера; терминъ этотъ долженъ содержать въ себѣ какъ положительныя, такъ и отри-

цательныя качества. Если мы говоримъ о мужчинѣ или о мальчикѣ, что у него хорошій характеръ—мы хотимъ сказать этимъ не только то, что онъ не дѣлаетъ дурныхъ поступковъ, но и то, что онъ дѣлаетъ многое предполагающее значительное напряженіе воли и готовность встрѣтить то, что ему неприятно.

„Если, при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, мы можемъ заслужить только эпитетъ безвреднаго, почти не стоитъ труда жить въ этомъ мірѣ.“

Такова точка зрѣнія Розвельта на значеніе характера и на воспитаніе; каково отношеніе знанія къ характеру и насколько воспитаніе можетъ вліять на него, этого вопроса авторъ совсѣмъ не касается. Относясь пренебрежительно къ тѣмъ „практическимъ“ людямъ, которые единственнымъ серіознымъ дѣломъ въ жизни считаютъ накопленіе денегъ, онъ, однако, самъ всячески старается избѣгнуть того, что можетъ быть сколько-нибудь похоже на умозрѣніе.
